

ИСТОРИЯ

УДК 94(470.315) "18/19"
ББК 63.3(2)53
DOI: 10.46726/Н.2021.3.5

К. Е. Балдин

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГОРОДА ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКА НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВВ.

В статье рассматривается состояние гидросистемы Иваново-Вознесенска в конце XIX — начале XX века, дается характеристика внутренних вод этого города — рек, ручьев, прудов, колодцев. Автор приходит к выводу, что водные ресурсы города нельзя назвать достаточными для крупного промышленного центра. Эти источники воды использовались текстильными предприятиями для осуществления их производственного процесса, а также местным населением для бытовых нужд. Красильное производство, которое было развито в Иваново-Вознесенске, крайне отрицательно влияло на окружающую природную среду, т. к. отходы его в виде синтетических красок, мазута и пр. без какой-либо очистки сбрасывались в реку Уводь. В результате уже в конце XIX в. эта река превратилась в зловонную сточную канаву, все живые организмы в ее воде погибли. Основная вина за эту экологическую катастрофу лежала на местных промышленниках. Не обладая экологическим сознанием, они не понимали серьезных последствий своей деятельности и не хотели тратить денежные средства на очистку фабричных сбросов.

Ключевые слова: окружающая среда, гидроэкология, малые реки, загрязнение окружающей среды, текстильная промышленность, анилиновые краски.

К. Е. Baldin

ENVIRONMENTAL PROBLEMS IN IVANOVVO-VOSNESENSK AT THE TURN OF THE 19TH AND 20TH CENTURIES

The article examines the state of Ivanovo-Vosnesensk hydro system in the late 19th and early 20th centuries, and characterizes the inland waters of the city — rivers, streams, ponds, wells. The author concludes that the city's water resources were not sufficient for a large industrial center. These water sources were used by textile mills for their manufacturing process, as well as by the local population for household use. The paint production, which was quite developed in Ivanovo-Vosnesensk, had a very negative impact on the natural environment, as its waste in the form of synthetic paints, fuel oil, etc. without any cleaning was dumped into the river Uvod. As a result, in the late 19th century, this river turned into a foul-smelling sewage ditch, all living organisms in its water died. The main blame for this environmental disaster rested with local industrialists. Not having an environmental consciousness, they did not understand the serious consequences of their activities and did not want to spend money on cleaning factory dumps.

Key words: environment, hydroecology, small rivers, pollution, textile industry, aniline paints.

© Балдин К. Е., 2021

В XIX в. в России произошел промышленный переворот, который на завершающем этапе сопровождался динамичной урбанизацией. Это повлекло за собой ухудшение экологической обстановки в местах массового скопления населения и фабрично-заводских предприятий. В данной статье мы ограничимся рассмотрением проблем экологии только гидросферы и проделаем это на примере крупного индустриального центра — Иваново-Вознесенска в конце XIX — начале XX в. Целью данной статьи является количественный и качественный анализ состояния внутренних вод в городе, определение степени и факторов загрязненности водной среды.

Следует признать, что городу Иваново-Вознесенску не очень повезло с рекой, на берегах которой он расположился. В отличие от его ближайших соседей — поволжских городов Нижнего Новгорода, Ярославля или Костромы, река в «русском Манчестере» была небольшой, в то время как текстильное производство требовало много воды. Это обстоятельство стало одной из предпосылок появления серьезных экологических проблем в Иваново-Вознесенске. Свою существенную роль сыграло также длительное отсутствие в российском правовом поле нормативных актов, касавшихся охраны окружающей среды, а в дальнейшем — некоторая неопределенность уже принятых на этот счет законов. Нужно учесть также и то, что в Иваново-Вознесенске явно недостаточно была развита общественность, т. е. элементы гражданского общества, которое могло бы повлиять на местных промышленников, нарушавших экологическое равновесие окружающей среды.

Рассматриваемая в настоящей статье проблематика обладает высокой степенью научной актуальности, т. к. вопросы исторической экологии доныне лишь эпизодически затрагивались в трудах по региональной тематике в контексте более общих и смежных проблем. В ходе исследования автор использовал в качестве источников делопроизводственные документы Иваново-Вознесенской городской управы, местную периодическую печать.

В начале нашего исследования следует сделать обзор источников воды в Иваново-Вознесенске в рассматриваемый период. Главной водной артерией города являлась и сейчас является Уводь — левый приток Клязьмы длиной в 185 км. Она берет начало в Андреевском болоте к северо-западу от Иванова, а впадает в Клязьму около г. Коврова. В статье во «Владимирских губернских ведомостях» фабрикант и краевед Я. П. Гарелин в 1860 г. сообщал, что она слева принимает Матовку, Северку, Харинку, Талку, Колдомку, Дмитровку, Воронину, Никулиху, Харитоновку и Шепелевку, справа — Чернявку, Кочневку, Ухтохму, Вязьму. В той же статье, опубликованной в губернском офицье, Гарелин сообщал о том, что вода в Уводи имела известковый характер и поэтому считалась подходящей для использования в текстильном производстве. Не забыл он упомянуть о том, что в Уводи водится много раков, что служило надежным маркером чистоты воды [4, 1860, 1 октября].

В рамках городской черты Иваново-Вознесенска ширина Уводи колебалась от 10 до 22 саженей, а глубина — от 2 до 6 аршин (более 4 метров). Через реку были перекинута 3 общественных деревянных моста и 5 частных. В это число не входили так называемые «лавы», т. е. пешеходные мостки около текстильных предприятий, которыми пользовались в основном фабричные рабочие [5, ф. 2, оп. 1, д. 329, л. 212].

Во время обследования, проведенного в конце позапрошлого века отмечалось, что из-за плотин и, соответственно, высокого подъема воды берега реки в некоторых местах стали топкими. Другое обследование Уводи, проведенное

уже в 1912 г., дало аналогичные результаты, участники этого «мониторинга» отмечали, что на реке много небольших заливов с вязкими болотистыми берегами. Еще одной неприятной особенностью реки было то, что около берегов из воды во множестве торчали сваи. Это были остатки фабричных мытилок — т. е. помостов, на которых рабочие полоскали в воде только что окрашенные ткани [5, ф. 2, оп. 1, д. 329, л. 213; д. 4397, л. 99].

В целом до 1870—80-х годов вода в Уводи была если не безупречной, то, по крайней мере, вполне удовлетворительной с точки зрения экологии. Мемуарист И. А. Волков, хорошо знавший иваново-вознесенские реалии конца XIX — начала XX в. вспоминал слова своего деда о том, что в середине позапрошлого столетия Уводь была рекой полноводной, глубокой и богатой рыбой. Он сетью за час мог наловить здесь до двух пудов крупной рыбы — шук, язей, окуней. Уводские сомы, обитавшие в омутах, достигали 20 фунтов (6 килограммов) веса, а шуки — 10—15 фунтов. Современники вспоминали, что во второй половине XIX в. рыбы в реке было настолько много, что иногда она случайно попадалась, когда черпали ведром воду [9, 1919, 17 апреля; 10, 1927, 5 мая].

Непосредственно на территории города Уводь принимает один из своих более или менее значительных притоков — речку Талку. Последняя начинается около деревни Черной к северу от Иванова. Около деревни Спасской ее суточный сток в конце XIX в. составлял 60 тыс. ведер, у села Богородского — уже 650 тыс., а в нижнем течении — около 1 млн. Талка была самым многоводным притоком Уводи в черте города. У городских властей даже были планы именно из Талки организовать водозабор для проектировавшегося иваново-вознесенского водопровода. Но исследования, проведенные в дальнейшем, показали, что в долине этой речки имелись наружные выходы торфа, и поэтому в воде содержались частички перегнивших растений [5, ф. 2, оп. 2, д. 344, л. 73].

Кроме Талки в Иваново-Вознесенске было еще несколько ручьев, которые также впадали в Уводь. Наиболее известный из них — Кокуй, фигурирующий в некоторых документах также под названиями Потекуша или Поток. В современном Иванове о нем напоминает только бульвар Кокуй, сам же он на протяжении всего своего течения течет под землей, будучи заключен в трубы. Карта города, составленная в 1915 г., свидетельствовала о том, что он начинался неподалеку от фабрики Кашинцева (ныне — здание областной типографии на Типографской ул.). Далее он протекал между улицами Московской и Панской (ныне — ул. Станко), под современной площадью Революции и впадал в Уводь около Покровского собора. Суточный сток ручья составлял около 85 тыс. ведер [5, ф. 2, оп. 2, д. 415, л. 3; ф. 1157, оп. 1, д. 7254, л. 1].

Буквально в сотне метров выше устья Кокуя в Уводь впадал Павловский ручей. В документах он иногда именовался Потоком, хотя на самом деле это название принадлежало Кокую. Он начинался около Благовещенской церкви и протекал между улицами Павловской и Новой (ныне — Почтовой и Жарова). Суточный сток Павловского ручья составлял 16 тыс. ведер воды [5, ф. 2, оп. 1, д. 329, л. 213; оп. 2, д. 415, л. 3].

По юго-восточной окраине города пролегало русло еще одного притока Уводи — Варгина ручья. Очень заметная низина, служившая ему ложем, пересекала дорогу, которая вела из Иваново-Вознесенска в Кохму и Шую. Сейчас это улица Постышева, которая после Варгина оврага превращается в улицу Куконковых. И. А. Волков в одном из своих краеведческих очерков,

опубликованных в 1920-х гг., утверждал, что за сорок лет до этого ручей был гораздо более многоводным. Его суточный сток в районе современного здания областного архива составлял 8 200 ведер, а при впадении его в Увось — 12 300 ведер [5, ф. 2, оп. 2, д. 415, л. 3; 10, 1927, 5 мая].

Наконец, в местечке Фряньково протекал ручей (иногда называемый речкой) Ледянка, который делил эту местность на собственно Фряньково и Фряньково завражное. Овраг носил название Прянин или Опрянин. Ледянка питалась от ключей и полностью оправдывала свое название, вода в ней была очень холодной [5, ф. 2, оп. 1, д. 329, л. 213; ф. 1157, оп. 1, д. 7254, л. 1].

В Иваново-Вознесенске было несколько прудов, все они имели искусственное происхождение. Назначение их было двояким. В первую очередь, их копали для обеспечения пожарной безопасности. Поддержание ее на должном уровне было очень важным для динамично разраставшегося города, застроенного в основном деревянными домами и часто горевшего. Кроме того, пруды служили для водопоя домашнего скота, которого в Иваново-Вознесенске было много.

Первые искусственные водоемы появились здесь вскоре после образования города. Для устройства их городская управа пошла по наименее трудоемкому пути. Для них не стали копать ямы, а лишь насыпали плотины на ручье Кокуй. Городской голова Яков Петрович Гарелин, выступая на заседании городской думы в июле 1877 г. с сообщением о благоустройстве, сообщил, что по течению этого ручья были устроены три «водохранилища» с запасом воды в 10 тыс. ведер [4, 1877, 15 июля].

Площадь города постепенно расширялась, росла численность населения, соответственно, пожаров становилось больше. Поэтому число таких водоемов в городе увеличивалось. В конце XIX в. их стало уже девять. На Кокуе в это время остались только две плотины с прудами, зато на Павловском овраге появились две новые. Кроме того, пруд был выкопан рядом с Вознесенской площадью. Другой пруд располагался за вокзалом в местности Фряньково. В Дмитриевской слободе для тушения пожаров предназначался пруд около современной улицы Рабфаковской. Еще один находился на улице Часовенной (ул. Смирнова), он имел свое собственное наименование и за красивое расположение назывался Красным. Водоемы были разного размера. Самым большим был Красный пруд — 24 на 22 аршина, совсем небольшим — пруд в Дмитровской слободе, всего 10 на 10 аршин. Стандартная глубина почти всех искусственных резервуаров колебалась от 2 до 3 аршин. Лишь Красный пруд отличался большой глубиной — около 5 аршин (3, 5 метра) [5, ф. 2, оп. 1, д. 329, л. 213].

Одни пруды копали, другие же прекращали свое существование. По сообщениям прессы, в 1913 г. по руслу Кокуя уже не было ни одного пруда. Зато в это время сделали запруду на Варгином ручье на юго-восточной окраине города. Другой новый водоем находился на лугу рядом с деревянной Успенской старообрядческой церковью [5, ф. 1157, оп. 1, д. 7254, л. 1].

Как уже отмечалось выше, все пруды имели прежде всего противопожарное назначение. Вместе с тем воды в них порой не хватало для этих целей или же они находились не очень близко от мест возникновения пожаров. Поэтому иногда пожарные использовали для тушения огня... лужи. Одна из них выручила борцов с огнем в 1913 г. в местечке Ямы во время серьезного пожара в 1-м Крестьянском переулке (ныне — ул. Калинина) [8, 1913, 20 августа].

Большую часть воды, необходимой для производства и для бытовых надобностей, в Иваново-Вознесенске брали не из реки или ручьев, а из колодцев. Они были на фабричных дворах, в частных домовладениях и на улицах. Здесь использовались два основных типа колодцев. Первый — деревянный сруб с воротом для опускания и подъема ведра, второй — деревянная будка с качалкой. Колодцы-журавли деревенского типа встречались в основном на окраинах и только там, где вода залегала довольно близко от поверхности. Кроме того, источником водоснабжения являлись ключи — врытые в землю деревянные бочки, из которых можно было брать в воду без применения ворота или журавля.

Всего в Иваново-Вознесенске в конце XIX в., по данным городской управы, насчитывалось 115 общественных колодцев. Но в это число не входили колодцы фабричные и те, которые находились у местных жителей на их придомовых территориях. Они имели не общественный, а частный характер [5, ф. 2, оп. 1, д. 329, л. 213].

Инженер-технолог А. Г. Малеванный, производивший изыскания относительно перспектив постройки водопровода в городе, беседовал со специалистами-колодезниками в Иваново-Вознесенске. Они сообщили ему, что непосредственно под гумусом на поверхности земли в городе лежит довольно значительный слой песка толщиной в среднем около 5 сажений, а под ним — мощный слой глины. Последний задерживал проникающие в почву атмосферные осадки. Самые большие запасы воды образовывались там, где в слое глины имелись углубления. В целом профессиональные колодезники оценивали (по данным за 1885 г.) качество местной колодезной воды как хорошее [5, ф. 2, оп. 2, д. 344, л. 75].

Несколько колодцев и ключей находились в долине ручья Кокуй от Покровского собора до Приказного моста, т.е. по склонам современного бульвара Кокуй. Также ключи и колодцы располагались на склонах Павловского оврага между улицами Павловской и Новой (ныне — ул. Почтовая и Жарова). Правда, по данным за 1903 г., отношение к колодцам и ключам у жителей было избирательным. Некоторых они избегали, а к другим выстраивались в очередь [3, 1903, 3 июня].

В 1906 г. местная пресса сообщала, что в Иваново-Вознесенске по-настоящему хорошая вода была в 3—4 колодцах. Для того чтобы набрать ее, ездили или ходили иной раз за версту. Для богатых обывателей, у которых были лошади и прислуга, это не проблема. Поэтому они набирали впрок воду не ведрами, а бочками. Среди популярных колодцев числился тот, который можно условно назвать Гарелинским. Он находился на склоне Кокуйского оврага напротив дома Якова Петровича Гарелина. Со временем здесь был устроен сквер, поставлены скамейки [2, 1906, 8 ноября].

Большой популярностью в городе пользовался «Блескин колодец», который назывался по фамилии домовладельца Блескина, на чьей усадьбе он находился. Это домовладение находилось в Соборном переулке около Покровского собора (в районе современной пл. Пушкина). Тем, кто брал воду ведрами (т.е. бедным), она отпускалась бесплатно, а тем, кто брал бочками (т.е. богатым), — за деньги. Более того, бравшим воду «оптом» выдавались документы из заведенной Блескиным квитанционной книжки. Крупными заборщиками воды «от Блескина» были: Куваевская мануфактура, Товарищество братьев Гандуриных, городской голова П. Кашинцев и др. [11, 1910,

14 сентября]. В городе также считали, что очень хорошей является вода в «Гаисьином колодце», находившем также неподалеку от собора, туда люди с ведрами приходили издалека [3, 1903, 21 июня].

Нельзя не упомянуть еще об одном колодезном проекте в Иваново-Вознесенске, который до сих пор функционирует в городе. Почти незамеченным в местной прессе промелькнуло в 1911 г. сообщение о том, что на Покровской мануфактуре приступили к бурению артезианского колодца, т. е. скважины. Предполагаемая глубина ее должна была составить 2 тыс. футов, а диаметр труб — около 25 дюймов [11, 1911, 21 января].

Владельцы Покровской мануфактуры заложили скважину для того, чтобы найти надежный источник воды для производственных нужд. На глубине 105 метров был найден первый водоносный слой, но анализ показал, что это сульфатно-натриевая минеральная вода, непригодная для использования в отделочном производстве. Летом 1914 г. уже на глубине 402 метра был найден следующий мощный водоносный слой. Но он также оказался непригодным для фабричных нужд, т. к. в нем было очень много поваренной соли — около 7—8 % [1, с. 3—7]. Однако вода из этой скважины оказалась целебной как для питья, так и для ванн, и в 1947 г. на базе этого источника была открыта бальнеологическая лечебница, которая функционирует и в наши дни.

Любой индустриальный центр вне зависимости от того, какая отрасль промышленности в нем развита, по определению нарушает экологическое равновесие, существующее в природе. Например, металлургическое производство в значительной степени загрязняет воздух. Что касается текстильной промышленности, которая была главной в Иваново-Вознесенске, то она оказывала наиболее неблагоприятное воздействие на окружающую водную среду. Прядильное и ткацкое производства потребляли сравнительно немного воды, поэтому вред от них был не очень велик. Зато отделочные фабрики наносили очень серьезный урон источникам воды. Для окрашивания тканей воды требовалось много, а отработанные жидкие отходы, насыщенные красками, другими химикалиями, мылом и т. п. спускались в рассматриваемый период без всяких фильтров в реки, ручьи, в лучшем случае — в поглощающие колодцы. В Иваново-Вознесенске большинство предприятий были красильно-отделочными или же имели это производство наряду с прядильным и ткацким. Загрязненная вода теми или иными путями, в той или иной концентрации в конечном итоге попадала в окружающую среду.

На фабриках, расположенные не рядом с рекой, рыли так называемые поглощающие колодцы, куда и закачивали отработанную воду. Таким путем краски и прочие химикалии впитывались в землю, затем оттуда попадали в грунтовые воды, а в дальнейшем — в перечисленные выше ручьи и в Уводь. Фабрики, находившиеся непосредственно на берегах реки, сбрасывали жидкие отходы прямо в Уводь. Уровень ее загрязненности с годами увеличивался.

Сначала красители, применявшиеся при отделке тканей, были в основном растительного и животного происхождения. Проведенное здесь обследование речной воды показало, что в ней текут крап, сандал, мыло, известковые остатки и коровий помет, который применялся в отделочном производстве для закрепления красок на ткани [5, ф. 2, оп. 1, д. 329, л. 212]. Все это, разумеется, наносило вред окружающей среде, но до 1870—80-х гг. он не носил пока фатального характера. Очень многое изменилось в худшую сторону в самом конце XIX в., когда фабрики перешли от растительных к более дешевым синтетическим красителям (например, анилину). Воду в невезучей реке стали называть «водой

смерти», она из-за фабричных сбросов приобрела внушавший опасения радужный оттенок [9, 1919, 17 апреля; 11, 1910, 19 октября].

По исследованию санитарных врачей, содержание кислорода в воде Уводи в начале XX в. выше города составляло 4—4,25 %, в черте города кислорода в воде вообще не было. Правда в результате процесса самоочищения воды ниже по течению реки кислород постепенно восстанавливался, и в 50 верстах ниже Иваново-Вознесенска около деревни Усолье он составлял в речной воде уже 3 % [11, 1908, 9 августа].

В начале XX в., по сообщениям местной прессы, вода в центре города была покрыта таким толстым слоем отходов, что он напоминал лед (несмотря на июльскую жару) [8, 1910, 3 июля]. Местные репортеры писали, что Уводь не принимала ни рыбу, ни людей. Были случаи, когда самоубийцы пытались топиться в реке, но у них не получалось потому, что вода была очень плотной. Один пьяный бросился в воду, и погиб из-за того, что нахлебался ядовитой воды [11, 1910, 17 сентября].

От загрязненной реки большой убыток несли местные огородники, рядом с Уводью находились гряды, где они выращивали большое количество овощей на местный рынок. После половодья часть фабричных отходов оставалась на этих «заливных» грядах. Местную капусту ивановцы покупали неохотно, т. к. она имела очень специфический привкус. Один из огородников по фамилии Гуреев решил перед продажей помыть свои огурцы водой из реки. После санитарного осмотра этого испорченного водой товара пришлось отвезти на свалку 37 мер огурцов, а против Гуреева полиция возбудила дело [11, 1910, 9 октября; 1913, 22 августа].

Фабричный инспектор В. Дадонов в своих очерках о жизни города, опубликованных в популярном журнале «Русское богатство», заметил, что на берегах Уводи осока, камыши и мелкий кустарник стоят «словно обожженные». Если выкупаться в реке, то, как ему сказали, кожа покрывается сыпью и болит. Домашний скот, случайно напившийся из Уводи, часто умирал. После весеннего разлива в низких местах оседала нефть и какие-то иные химикалии, не давая расти траве [6, с. 46—47].

Однажды ядовитая вода Уводи сыграла злую шутку с одним из местных жителей. Об этой печальной истории поведала своим читателям газета «Старый владимирец». Молодой человек, житель Иваново-Вознесенска, искупался в Уводи. Трудно предположить, что он при этом находился во вменяемом состоянии. Возможно, он решил броситься в воду только под влиянием винных паров, т. к. ивановцы хорошо знали, что река для купания совершенно не пригодна. Не успел он дойти до дома после купания, как кожа покрылась темными пятнами, вскоре он стал в полном смысле этого слова чернокожим. Не на шутку испугавшись, он пошел в одну из местных амбулаторий. Врачи, в практике которых такого случая никогда не было, констатировали, что весь его организм находится в порядке — пульс и дыхание в норме, самочувствие бодрое, потемневшая кожа чувствительности не потеряла, не болит и не чешется. Только когда медики узнали, что молодой человек является по профессии фотографом, они сумели правильно поставить диагноз. В то время, в отличие от современной цифровой фотографии, снимки делались очень долго на специальной светочувствительной бумаге. Их необходимо было «проявить» и «закрепить», выдержав некоторое время в различных растворах. Кожа фотографа за несколько лет обращения с этими химикалиями пропиталась ими. В воде Уводи, в которую он погрузился, также содержалась

значительная часть таблицы Менделеева в виде самых разнообразных соединений. При их взаимодействии с теми, которые осели в коже неосторожного купальщика, произошел совершенно непредсказуемый процесс — кожа «проявилась», как в фотолаборатории, и стала темной.

В этой связи у фотографа сразу же возникли серьезные проблемы в личной жизни и на работе. Жена сначала не узнала его и не хотела пускать домой. Она заявила, что разведется, если он не приобретет прежний цвет. Хозяин фотографии, где он работал, сказал: «Вот что, брат, коли служить, так служить, а безобразиями нечего заниматься! У нас тут не Африка, а Иваново», — и выдал ему расчет (прямая речь процитирована нами по газетной публикации). После долгих поисков ему все же удалось устроиться на работу в какое-то второсортное фотографическое заведение на окраине города [11, 1913, 26 мая]. Но, по косвенным данным из газет, судьба фотографа в дальнейшем все же сложилась удачно. Его кожа вскоре обрела прежний цвет, жена раздумала разводиться с ним, и ему удалось найти хорошее место работы.

Концентрация различных масел, красок и других химикалий в речной воде была очень высокой. Поэтому некоторым предприимчивым ивановцам приходили в голову мысли о том, что можно получить какой-то доход от Уводи, превращенной фабрикантами в сточную канаву. Впервые об этом было написано не в местной, а в центральной печати, в частности, в журнале «Русское богатство». Автор очерков об Иваново-Вознесенске В. Дадонов сообщал о том, что Иваново-Вознесенск является единственным в центральной России местом, где практикуется... добыча нефти. По словам автора, какой-то мелкий предприниматель положил на поверхность воды бревна, которые не давали слою нефти плыть дальше по течению. Радужный слой откачивали черпаками в емкости на берегу, в дальнейшем этот улов продавался на местные фабрики по цене значительно ниже обычной нефти [6, с. 47]. В дополнение к этим сведениям отметим, что в Уводи добывалась, разумеется, не нефть, а скорее всего, что-то вроде мазута, сильно разбавленного водой вместе с прочими химикалиями, составлявшими отходы красильного производства.

Более подробные сведения об этом же промысле десять лет спустя сообщал «Старый владимирец» в заметке под названием «Нефтепромышленник». Оказывается, предпринимателя звали Иваном Ивановичем. Он действовал на законных основаниях по разрешению городской управы. На берегу был уже не сарай, а «маленький заводик» с фильтрами. Он выпускал разнообразные сорта смазочных масел по разным ценам [11, 1910, 11 декабря].

Фабричные отходы загрязняли не только реку, но и уличные колодцы общего пользования. На улице Негорелой (ныне — Советской) с весны 1902 г. ранее чистая колодезная вода вдруг стала разноцветной: сегодня — красной, завтра — голубой, послезавтра — зеленой. О происхождении этих метаморфоз жители улицы догадались быстро — рядом была расположена отделочная фабрика А. М. Гандурина. Они просили администрацию фабрики прекратить закачивать отработанные воды с красками в поглощающие колодцы, но отклика не получили. Результатом их обращения в полицию стал визит городского врача П. А. Алявдина в сопровождении полицейских. Они осмотрели колодец, после чего Алявдин распорядился закрыть его, т. к. вода в нем опасна для употребления в пищу. Продолжать писать жалобы на администрацию и хозяев фабрики жители не решались, т. к. некоторые из них трудились на этом предприятии [3, 1903, 5 февраля].

Наряду с фабричными химическими отходами второстепенным, но все же существенным источником загрязнения внутренних вод в городе были мытилки. Но это были не фабричные мытилки, о которых шла речь в начале этой статьи, а те, в которых местные жители полоскали выстиранное белье. Мостки могли быть открытыми и закрытыми, в последнем случае на них стояло сколоченное из досок помещение с входом, окном и сделанном посередине плота «бассейном», в котором полоскали белье.

В конце XIX в. городским самоуправлением была устроена бесплатная общественная мытилка. Естественно, что она находилась не на Уводи, которая в это время уже крайне загрязнена сбросами с фабрик. Ее построили на Варгином ручье, который пока был относительно чистым. Но он находился на юго-восточной окраине Иваново-Вознесенска, фактически — за городской чертой [5, ф. 1157, оп. 1, д. 7254, л. 1]. Поэтому женщинам из отдаленных районов города было очень сложно добираться до этой мытилки с корзинами, полными мокрого и тяжелого белья.

В 1907 г. «отцы города» обратили внимание на то, что одной общественной мытилки для города мало. К этому времени появилась возможность устроить мытилку уже на Уводи. Это было связано с тем, что в 1906 г. вдоль реки был построен деревянный канал, в который фабрики сбрасывали свои отходы. Он заканчивался за пределами городской черты, и там отработанные воды все же попадали в Уводь. Таким образом, вода в черте города стала заметно чище, а ниже города была такой же, как и до строительства канала. Гласные Иваново-Вознесенской городской управы отпустили около 3 тыс. р. на сооружение деревянного плота на Уводи. Он был устроен около Тулякова моста (на современной площади Пушкина). Кроме этой мытилки и той, что продолжала работать на Варгином ручье, в городе были еще две частные платные мытилки, которые находились на ручьях на окраинах города [5, ф. 2, оп. 1, д. 4278, л. 1—2; 11, 1908, 17 октября].

Еще одним фактором загрязнения городских водоемов был водопой домашнего скота. Несмотря на то, что Иваново-Вознесенск был крупным городом, многие жители держали коров или коз. По данным за 1884 г., в городе было шесть стад, каждое из которых имело свое название — Негорельское, Кокуйское, Панское, Новоуличное, Дмитриевское и Вознесенское (Посадское), названные так по месту их формирования — улицам Негорелой, Кокуй, Панской, Новой, Дмитриевской слободе и Вознесенскому посаду [7, с. 69]. Всего в городе и его ближайших окрестностях насчитывалось почти тысяча голов только крупного рогатого скота. У каждого стада было свое пастбище. Например, скот Вознесенского стада каждое утро направлялся в Минеево, которое на рубеже XIX—XX вв. представляло собой заросшую травой пустошь.

Водопой и купание скота во внутренних водоемах приводили их к загрязнению в летнее время. Например, Посадское стало останавливаться по пути из центра города в Минеево и обратно около водоема, который находился рядом с Успенской деревянной церковью. На карте города от 1915 г. он специально обозначен как «грязный пруд» [5, ф. 1157, оп. 1, д. 7254, л. 1]. Именно водопой и купание скота привели в самое печальное состояние Красный пруд, находившийся на улице, названной в честь его Краснопрудной. Именно скот, домашняя птица, а заодно кустарно сделанная мытилка привели ранее чистый пруд в безобразное состояние. Местное население переименовало его в Поганный [8, 1913, 15 мая].

Наряду с перечисленными нами факторами загрязнения городской среды, на рубеже XIX—XX вв. ухудшению экологического состояния, несомненно, служили свалки: как легальные на окраинах города, так и стихийно возникавшие на улицах, в оврагах и даже во дворах местных жителей. Атмосферные осадки с этих свалок просачивались в землю, в пруды и ручьи и, следовательно, и в Уводь. Кроме того, в городе не было канализации, и фекалии из многочисленных частных отхожих мест просачивались в почву и вместе с грунтовыми водами попадали в колодцы, ручьи и реки.

Подводя итоги нашего исследования, следует констатировать, что водные ресурсы Иваново-Вознесенска в целом были не очень богатыми. К сожалению, большому городу не хватало крупной реки. Вместе с тем геологическое строение почвы здесь было довольно удачным: залегавший на небольшой глубине слой глины задерживал атмосферные осадки, и с колодезной водой у местных жителей не было проблем.

Серьезные проблемы с гидроэкологией возникли в городе только в конце XIX века и были связаны с ростом промышленного потенциала Иваново-Вознесенска. Эти негативные изменения имели не столько количественный, сколько качественный характер, т. к. в отделочном производстве в конце позапрошлого столетия стали широко использоваться дешевые, но экологически вредные синтетические красители. Эти химические соединения попадали в реку Уводь, в грунтовые воды, делая непригодной воду и в некоторых колодцах. В гидросистеме города оказывались и другие вредные химикаты, а также мазут, другие нефтяные отходы. При сбросе этих отходов в реку никаких фильтров не было, местные предприниматели их и не собирались устанавливать. Река к началу XX в. фактически стала мертвой, ни рыба, ни другие живые организмы не могли существовать в такой среде. Вода в Уводи была не пригодна не только для питья, но и для каких-либо технических надобностей.

К сожалению, в рамках одной статьи нет возможности рассмотреть также попытки муниципальных властей и общественности решить эту острую проблему. Об этом пойдет речь в другой публикации, которую автор готовит для печати в «Вестнике» Ивановского государственного университета.

Список литературы

1. *Беневоленский А. И.* Сосневский минеральный источник. Ярославль: Верхне-Волжское издательство, 1964. 48 с.
2. Владимирец.
3. Владимирская газета.
4. Владимирские губернские ведомости.
5. Государственный архив Ивановской области.
6. *Дадонов В.* Русский Манчестер (Письма об Иваново-Вознесенске) // Русское богатство. 1900. № 12. С. 46—67.
7. Журналы очередного Шуйского уездного земского собрания 1884 г. Б. м., б. г. 132 с.
8. Ивановский листок.
9. Рабочий край.
10. Рабочий край. Литературно-иллюстрированное приложение.
11. Старый владимирец.